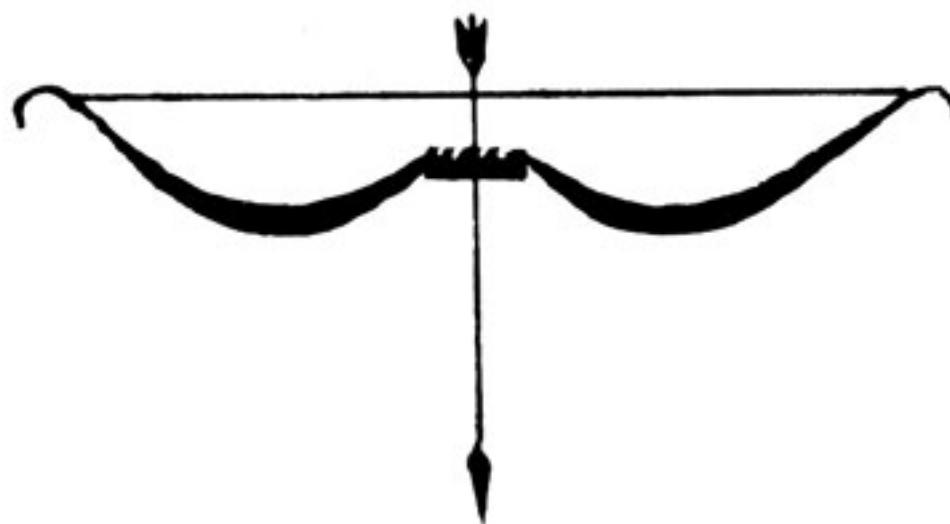

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

**ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
XI—XV ВЕКОВ**

Художник
Владимир НОСКОВ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1981

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ
РЯЗАНИ БАТЫЕМ

лето 6745. Въ второе на десять лето по принесении чудотворного Николина образа ис Корсуня, прииде безбожный царь Батый

на Рускую землю со множеством вои татарскими, и ста на реке на Воронеже близъ Резанския земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингверевичю Резанскому послы безделны, просяща десятины въ всемъ: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыя. И вскоре послал въ град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимировскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы самъ пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимарьской и самъ не пошел и на помошь не послал, хотя о собе самъ сотворити брань з Батыемъ. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что несть ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича Владимира, и вскоре послал по братю свою, по князя Давида Ингоревича Муромского и по князя Глеба

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Р год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного Николина образа из Корсуня пришел на Русскую

землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимировскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимира, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Ингоревича Коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Всеволода Проныского, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечистиваго подобает утоляти дары. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Резаньского к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанский земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю и принесе ему дары, и моли царя, чтобы не воевал Резанский земли.

Безбожный царь Батый, лестив бо и немилосердъ, приа дары и охапися лестию не воевати Резанския земли. И ярся-хваляся воевати Русскую землю.

И нача просити у резаньских князей тщери или сестры собе на ложе. И некий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанского, яко имеетъ у собе княгиню от царьска рода и лепотою—телом красна бе зело.

Царь Батый лукав есть и немилостивъ в неверии своем, пореваем въ похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту». Благоверный князь Федоръ Юрьевич Резанской и посмеялся, и рече царю: «Не полезно бо есть намъ, християномъ, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блудъ. Аще нас приодолеши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный царь Батый взярися и огорчися, и повеле вскоре убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его повеле повреши зверемъ и птицамъ на разтерзание; и инех князей, нарочныхъ людей воиньскихъ побилъ.

И единъ от пестун князя Федора Юрьевича укрыся, именемъ Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина, горько плачущися. И видя его никимъ брегома, и взя [тело]¹ возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори къ благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная княгиня Еупраксия стояше в превысокомъ храме своемъ и держа любезное чадо свое князя

¹ В квадратных скобках здесь и далее Д. С. Лихачевым добавлены слова, отсутствующие в тексте Волоколамского списка, но имеющиеся в других списках повести.

Муромским и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли.

Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился новоевать всю Русскую землю. И стал у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив, в неверии своем распался в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый оскорбился, и разъярился, и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял тело возлюбленного своего государя и тайно скончонил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти.

Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертоносныя глаголы, и горести исполнены, и аbie ринуся из превысокаго храма своего [съ] сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юръи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора и инех князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею, и со прочими княгинеми, и з братиесю. И плакашеся весь градъ [резанский] на многъ часъ. И едва отдохнувъ от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юръи Ингоревич, видя братию свою и боляръ своих, и воевод храбры, и мужествены ездяще, и возде руце на небо со слезами, и рече: «Изми нас от враг нашихъ, боже, и от востающих на нь избави насъ, и покры нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок».

И рече братии своей: «О господия и братиа моа, аще от руки господня благая прияхомъ, то злая ли не потерпимъ? Лучче намъ смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыя божиа церкви и за веру христвянскую, и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича». И поидаша в церковь въ пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения.

И плакася много пред образомъ пречистыя богородици, и [моляся] великому чудотворцу Николе и сродникомъ своимъ Борису и Глебу. И дав последнее целование великой княгини Агрепене Ростиславне, и приемъ благословение от епископа и от всего священнаго собора, и поидаша против нечестиваго царя Батыя. И стретоша его близ предел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужествено, и бысть сеча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый видяше, что господство резаньское крепко и мужествено бьяшеся, и возбояся. Да противу гневу божию хто постоить? А Батыеве бо и силе велице и тяжце един бьяшеся с тысящай, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего

И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем блаженного сына своего, князя Федора, и многих князей, и лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней, и с другими княгинями, и с братией своей. И плакал город рязанский весь много времени.

И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки.

И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас от врагов наших, боже, и от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок».

И сказал братии своей: «О государи мои и братия!

Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря

Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей, и пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. Увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит!

А Батыевы же силы и велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. Увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!»

Пересели с коня на конь и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали нас kvозь и храбро и мужественно биясь, так что всем

князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! Князь Давидъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?» Председоша съ коня на кони, и начаша битися прилежно. Многиа сильныя полки Батыевы проеждя, храбро и мужествено бьяшеся, яко всемъ полкомъ татарьскимъ подивитися крепко и мужеству резанскому господству. И едва одолеша ихъ силныя полки татарскыя. Ту убиен бысть благоверный князь велики Георгий Ингоревич, брат его князь Давидъ Ингоревичъ Муромской, брат его князь Глебъ Ингоревичъ Коломенской, брат ихъ Всеволод Проньской, и многия князи месныа и воеводы крепкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанския, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от нихъ возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша. Сиа бо наведе богъ грех ради нашихъ.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суща. Царь же, видя свои полки мнозии падоша, и нача велми скръбети и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побъеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сечи, и жещи без милости. И градъ Прънескъ, и град Бел, и Ижеславецъ росари до основания, и все люди побиша без милости. И течаше кровь христвянская, яко река сильная, грех ради нашихъ.

Царь Батый, видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогающи от великих ран, и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. И князь Олег Ингоревич укори царя Батыя, и нарек его безбожна, и врага христвянска. Окаяны Батый дохну огнемъ от мирского сердца своего, и вскоре повеле Олга ножи на части роздробити.

Сий бо есть второй страстоположник Стефан, приа венецъ своего страдания от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную [съ] своею братиею ровно.

Царь Баты окаяный нача воевати Резанскую землю, и поидаша ко граду к Резани. И обступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а граждане непремено бьяшеся.

И многих граждан побиша, а инехъ уазвиша, а ини от великих трудовъ изнемогша. А в шестый день рано приидаша погании ко граду, ови с огни, а ини с пороки,

полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы рязанские.

Все равно умерли и единственную чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости.

И град Пронск, и Белгород, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия.

И текла кровь христианская, как река сильная, грехов ради наших.

Увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить.

Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства.

Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево же войско переменилось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а трети с бесчисленными лестницами. И взяли град Рязань месяца декабря в 21-й день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями

и иици со тмочисленными лестницами. И взяша град Резань месяца декабря [въ] 21 день. И приидоша в церковь собръную пресвятыя Богородици, и великую княгиню Агрипену, мать великаго князя и [со] снохами и с прочими княгинеми мечи исекоша, а епископа и священический чин огню предаша, во святей церкве пожегоша, а иици мнози от оружия падоша. А во граде многих людей и жены, и дети мечи исекоша. И иных в реце потопиша, и среи, черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое богатство резанское и сродник их киевское и черниговское поимаша. А храмы божия разориша, и во святыхъ олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачуща — и ни отцу и матери о чадех, или чадомъ о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертвии лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших.

Безбожный царь Батый, видя велие пролитие крови християнскиа, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Сузdalъ и Владимиръ, и желая Русскую землю попленити, и веру християнскую искоренити, и церкви божии и до основания разорити.

И некий от вельмож резанских имянем Еупатий Коловрат, в то время был в Чернигове со княземъ Ингваремъ Ингоревичемъ и услыша приход зловърнаго царя Батыя, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приеха в землю Резанскую, и виде ея опустевшую, грады разорены, церкви пожены, люди побъены. И пригна во град Резань и виде град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побъени и посечены, а ины пожжены, ины в реце истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своея и разпалаяся въ сердцы своеи. И собра мало дружины: тысячу семсотъ человекъ, которых богъ соблюде, быша вне града. И погнаша [во следъ безбожного царя и едва угнаша] его в земли Суздалстей. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сечи без милости. И сметоша яко все полки татарьскыя, татарове же сташа, яко пияны или неистовы. Еупатию тако их бъяше нещадно, яко и мечи притупиша, и емля татарьскыя мечи и сечаша их.

посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами поsekли, а других в реке потопили, а священников и иноков без остатка поsekли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников рязанских князей — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили.

И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

Увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Сузdalь и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался во град Рязань, и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены.

И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог соблюл вне города. И погнались вслед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Сузальской.

И внезапно напали на станы Батыевых. И начали сечь без милости, и как смешались все полки татарские, и стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, будто мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так

Татарове мняша, яко мертви восташа.
Еупатий силныа полки татарьскыя проеждя, бъяше
их нещадно и ездя [по] полкомъ татарскимъ храбро
и мужествено, яко и самому царю возбоятися.
И едва поимаша от полку Еупатиева пять
человекъ воиньскихъ, изнемогших от великих ран, и
приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача
вопрошати: «Коа веры еста вы и коа земля, и что
мне много зла творите?» Они же реша: «Веры
християнские есве, раби великаго князя Юрья
Ингоревича Резанского, а от полку Еупатиева
Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича
Резанского тебя, силна царя, почтити и честна
проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви, царю,
не успевати наливати чаш на великую силу — рать
татарскую». Царь же подивися ответу их мудрому.
И послал шурича своего Хостоврула на Еупатиа, а с
нимъ силныа полки татарскыя. Хостовруль же похвалился
пред царемъ, хотя Еупатиа жива пред царя привести.
И ступиша силныа полки татарскыя, хотя Еупатиа
жива яти. Хостоврул же съехася съ Еупатиемъ. Еупатей
же исполин силою и разсече Хостоврула на полы
до седла. И начаша сечи силу татарскую, и многих тут
нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полки
пресекоша, а иных до седла краяше.
Татарове возбоящеся, видя Еупатиа крепка исполина,
и навадиша на него множество пороков, и нача бити по
нем ис сточисленых пороков, и едва убиша его.
И принесоша тело его пред царя Батыа.
Царь Батый послал по мурзы, и по князи,
и по санчакбеи, и начаша дивитися храбости,
и крепости, и мужеству резанскому господству.
Они же рекоша царю: «Мы со многими цари во многих
землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцовъ
и резвецов не видали, ни отци нашизвестиша намъ.
Сии бо люди крылатыи и не имеюще смерти, тако крепко
и мужествено ездя, бъяшеся един с тысящею,
а два со тмою. Ни един от них может съехати жив
с побоища».

Царь Батый, зря на тело Еупатиево, и рече:
«О Коловрате Еупатие! Гораздо еси меня подщивал
малою своею дружиною, да многихъ богатырей
силной орды побил еси, и многие полки падоша.

храбро и мужественно, что и сам царь устрашился. И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, поданные великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почтствовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую».

Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин.

И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю приближенные: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях боятся — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной Орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня — держал бы его у самого сердца

Аще бы у меня такой служиль,— держал бых его против сердца своего». И даша тело Еупатиево его дружине остановочной, которые поиманы на побоище.

И веля их царь Батый отпустити, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время былъ в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богъмъ соблюден от злого того отметника, врага христианского.

И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыя, и прииде во град Резань, и видя град разорен, а мать свою, и снохи своя, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви пожжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято.

Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грехъ ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вешающи.

И от великаго кричания и вопля страшнаго лежаща на земли яко мертвъ. И едва отльяша его, и носяша по ветру. И едва отходе душа его в немъ.

Кто бо не возплачетца толикина погибели, или кто не взрыдает о селице народе людей православныхъ, или кто не пожалит толико побито великих государей, или кто не постонет таковаго плениния.

Князь Ингварь Ингоревичъ, разбиная трупиа мертвых, и найде тело матери своей великия княгини Агрепены Ростиславны, и позна снохи своя, и призыва попы из веси, которыхъ бог соблюде, и погребе матерь свою, и снохи своя [сь] плачемъ великымъ во псалмов и песней. место: кричаще велми и рыдаше.

И похраняше прочиа трупиа мертвыхъ, и очисти град, и освяти. И собирахася мало людей, и даша имъ мало утешения. И плачаясь безпрестано, поминая матерь свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское, [еже] вскоре погибе. Сия бо вся найде грехъ ради нашихъ. *Погибе¹* град Резань и земля Резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней

своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеялодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского.

И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разорен, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как орган звучащий. И от великого того кричания и вопля страшного пал на землю, как мертвый.

И едва отлили его и отходили на ветру.

И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного?

Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого плена?

И разбирал трупы князь Ингварь Ингваревич,

и нашел тело матери своей великой княгини

Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых Бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных.

И сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и утешил их. И плакал беспрестанно.

Поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все же то случилось по грехам нашим.

Погибли город Рязань и земля Рязанская, исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленен был, но и иные многие. Не стало во граде

ничто благо видети — токмо дымъ и пепел, а церкви все погореша, и великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и ини мнози. Не бе бо во граде пения, ни звона, в радости место всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде, и где побьени быша братья его от нечестиваго царя Батыя: великий князь Юръи Ингоревичъ Резанской, брат его князь Давидъ Ингоревичъ, братъ его Всеволод Ингоревичъ и многиа князи месныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы, и резвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на траве ковыле, снегомъ и ледомъ померзоша, никимъ брегома. От зверей телеса их снедаема и от множества птицъ разъстерзаемо. Все бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалостно вещающи: «О милая моа братия и господие! Како успе, животе мои драгии! Меня единаго оставиша въ толице погибели. Про что аз прежде вас не умрох? И камо заидесте очию мою, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мне, брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мои несозрелыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зrite ко мне — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене, брата своего, от единаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепены Ростиславне, и единымъ сосцомъ воздоенных многоплоднаго винограда?

И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходяще, месяци красныи, скоро изгибли есте, звезды восточныа, почто рано зашли есте? Лежите на земли пусте, ни кимъ брегоми, чти — славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многимъ землямъ государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братна и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мои драгии, чему помрачилися есте?

ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный. И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братия его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское.

Лежали они все на земле пусте, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые.

Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? И почему закатились вы из очей моих? И куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревшие? Уже не подарите сладость душе моей!

Почему не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее! Месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша.

Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне!

богъ молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашемъ, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы приидоша ми, а за утеху и радость сетование и скръбъ яви ми ся! Почто азъ не прежде вас умрох, да бых не видел смерти вашея, а своея погибели!

Не слышите ли бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье рязанско храбрыхъ удалцевъ! Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси рано умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моей язык мой связается, уста заграждаются, зрак опусмевает, крепости изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и вздохания, и страха, и трепета от всех злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингоревичъ

возде руце на небо, со слезами возва, глаголаше: «Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всех гонящих избави мя. Пречиста владычице, богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моея. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глебъ, буди мне помощники, грешному, во бранех. О братие моа и господие, помогайте мне во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаильтеска рода».

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тело братьи своей, и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и инех князей месных — своих сродниковъ, и многих бояръ, и воевод, и ближнихъ знаемых, при [не]се их во град Резань, и похраняше их честно, а инехъ тут на месте на пусте собираше и надгробное пеша.

И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовернаго и христолюбиваго князя Олга Ингоревича.

И несоша его во град Резань, а честную его главу самъ князь великий Ингварь Ингоревичъ и до града понеси и целова ю любезно, положиша его с великимъ княземъ Юрьемъ Ингоревичемъ во единой раце.

А братью свою, князя Давида Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положиша у него близъ гроба их во единой раце. Поиде же князь Ингварь Ингоревичъ

Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели?

Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все рано умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич, и воззвал со слезами: «Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, богородица Христа, бога нашего, не оставь меня в печали моей.

Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогайте мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и род Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и близких, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил.

И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань.

А честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил у него, близ могилы их, в одном гробу.

Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич

на реку на Воронеж, иде убиен бысть князь Федоръ Юрьевич Резанской, и вся честное тело его, и плакася над нимъ на долгъ час.

И принесе во область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и его благоверную княгиню Еупраксею, и сына их князя Ивана Федоровича Посника [и положиша ихъ] в единомъ месте, и поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чудотворецъ Николае Заразский, яко благоверная княгиня Еупраксея и съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ сама себе зарази.

Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Бяше родомъ христолюбивыи, братолюбивыи, лицемъ красны, очима светлы, взоромъ грозны, паче меры храбры, сердцемъ легки, к бояромъ ласковы, к приеждимъ приветливы, к церквамъ прилежны, на пированье тщывы, до господарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолникомъ величавы. Мужествен умъ имеяше, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли, и богомъ насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша въ благочестии со всяцемъ наказании духовнемъ. От самих пелень бoga возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных [глаголь не любяще и злонравныхъ] человекъ отвращающеся, а со благыми всегда беседоваша, божественных писаниих всегда во умилении послушаше. Ратнымъ во бранех страшения ивляющеся, многия враги, востающи на них побежаша, и во всех странах славна имя имяща.

Ко греческимъ царемъ велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющи своего спасения. В чистой совести и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся, плоти угодие не творяще, соблюдающи тело свое по браце греху непричастна.

Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста, и кресты на раме своеемъ носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, а по вся святыя посты причащастася святыхъ пречистыхъ и бесмертныхъ тайн.

Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского.

И похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте заразила (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед их послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок бога возлюбили.

О церквях божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, бранных слов не любили и злонравных людей отвращались, и с добрыми только беседовали, и божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью и крепостью, и разумом держали свое земное царство и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых

И многи труды и победы по правой вере показаста.
А с погаными половцы часто бъяся за
святыя церкви и православную веру. А отчину свою
от супостат велми без лености храняща,
а милостиину неоскудно даяша, и ласкою своею многих
от неверных царей, детей их и братью к себе приимаста,
и на веру истинную обращаста.

Благоверный [великий Ингварь Ингоревич, нареченый]
во святомъ крещении Козма, сяде на столе отца своего
великаго князя Ингоря Святославича,
и обнови землю Резаньскую, и церкви постави,
и монастыри согради, и пришелцы утеши, и люди собра.
И бысть радость християномъ, их же избави богъ
рукою своею крепкою от безбожнаго зловернаго
царя Батыя. А кирь Михайло Всеволодовича Пронскаго
посади на отца его отчине.

и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безлестно оберегали.

И милостыню неоскудную давали и ласкою своею многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный великий Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича.

И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою свою крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

